

Хакан Кырымлы (Турция) О КРЫМСКОТАТАРСКИХ ВОЙСКАХ В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В 1783 году, когда Крым был взят Россией, из уже бывшего Крымского ханства начался период миграции в Османскую империю, который длился на протяжении 150 лет. И сама миграция, и разрыв крымских татар с родной землей проходили довольно тяжело. Десятки тысяч крымских татар потеряли жизнь во время этого переселения и последующего развития событий. Да и сама жизнь переселенцев на новых местах оказалась очень тяжелой. Несмотря на все это, эти эмигранты, а также их дети, умудрялись играть значительные роли в жизни и деятельности Османской империи. В особенности, огромное количество крымских татар вошло в состав Османской армии. Также, из их числа, вышло много выдающихся командующих.

На протяжении 350 лет союза Османской империи и Крымского ханства, Османское руководство вблизи увидело, что крымские татары были лучшими в рядах кавалерии. И это не было забыто после потери Крыма. В частности, из числа татар, проживающих в Буджаке и Добрудже, были созданы специальные части, которые во время войны служили в Османской армии.

После падения Крымского ханства крымские татары играли значительную роль в военной и административной жизни Османской империи. Среди них особое место занимают члены династии Гиреев (в правильном крымскотатарском варианте Гераев).

Большинство членов династии Гиреев после падения Крымского ханства были вынуждены поселиться на территории Османской империи. Они поселились, в основном, на Балканских владениях Османской империи, то есть в Румелии. Известно, что еще с начала XVII-го века или возможно даже раньше, Османская империя выделила членам династии Гиреев огромные территории на Балканах [1]. В политическом отношении в Османской империи, а можно сказать, что и во всем мусульманском мире, Гирей были самой уважаемой и древней династией после Османской. В связи с этим, османские правители оказывали большое уважение членам династии Гиреев, проживающим в Османской империи, а также предоставляли им множество привилегий, земли и постоянные денежные средства как в период существования Крымского ханства, так и после его падения.

После захвата Крымского ханства Гирей продолжали оказывать большое влияние на жизнь Османской империи, особенно, в Румелии. Большинство Гиреев владели огромными территориями и являлись управляющими в местах своего проживания. Наряду с политическими и административными функциями, члены династии Гиреев занимали военные должности в Османской империи. Особенно во время османско-русских и османско-габсбургских войн последней четверти XVIII-го века, многие Гирей руководили частями Османской армии, и даже попадали в плен и погибали.

Известны многие Гирей, которые занимали должности в Османских войсках и в XIX в. Можно увидеть, что они, время от времени, руководили специальными частями, созданными из крымских татар, проживающих в Османском государстве. Например, Бахадыр-Гирей-Султан был назначен командующим татарскими частями в Бессарабии во время османско-русской войны 1806–1812 гг. Интересным фактом является то, что ему был присужден не какой-нибудь Османский чин, а звания "Калгай" и "Вожь татар", употреблявшиеся в уже не существующем Крымском ханстве [2]. Под его командованием находились не только татарские войска, но и Некрасовское казачество (так называемые "игнатовские" казаки) [3]. А Мурат-Гирей-Султан также имел звание "Нуреддин", оставшееся от Крымского ханства [4]. Во время этой же войны знаменитый историк Халим-Гирей-Султан руководил татарскими мурзами и солдатами в составе османской армии [5]. Во время османско-русской войны 1828–1829 гг. Порта потребовала, чтобы все принцы Гирей, находящиеся на территории Османского государства, вступили ли в ряды Османской армии [6].

Большинство крымскотатарских эмигрантов, которые прибывали в Османскую Империю на протяжении XIX-го века, были поселены на Балканах (то есть в Румелии). В большинстве случаев видно, что Гирей, проживающие там, были назначены руководителями этих эмигрантов [7].

Формирование современных и постоянных военных частей из числа крымских татар в Османской армии произошло во второй четверти XIX-го века. Во время попыток Султана Махмуда II в 1826 г. устранить корпус янычар и создать новую регулярную армию, в составе новой армии находились специальные кавалерийские части татар и казаков. И в прошедших столетиях в составе Османской армии служили различные казаческие части, в том числе и запорожские казаки, некрасовцы и другие. В состав новой армии, наряду с этими казаческими частями, вошли и татарские формирования. Таким образом, приблизительно в 1830-х годах во время царствования Султана Махмуда II, в составе Османской армии был создан татарский конный полк. Большинство солдат полка составляли татары, проживающие в Добрудже и эмигрировавшие в Османскую империю из Крыма и Буджака, находящегося на территории бывшего Крымского ханства и захваченного после 1812 г. Россией. Во время сложных событий 1830х годов этот полк выполнял очень серьезные поручения. Татарский конный полк активно проявил себя в подавлении восстаний в Албании, Курдистане и Боснии, вспыхнувших во время войн с войсками восставшего губернатора Египта Мехмеда Али-Паши. В татарский конный полк входили такие командующие как Саид-Мирза-Паша, Зия-Паша, Мурат-Бей, играющие выдающиеся роли в этот период османской военной жизни. Из Буджака также вышел и Хусейн-Паша, который, хотя и не служил в татарском конном полку, но сыграл одну из самых важных ролей в устранении корпуса янычар Султаном Махмудом II и в последствии занимал высокие государственные посты [8].

Татарский конный полк был в тесных отношениях с казачьими формированиями в составе Османской

армии. Очевидно, что некоторые обязанности полка исполнялись казаками или при их содействии. Вместе с тем видно, что до Крымской войны в состав татарского конного полка входили представители других народов, что и нарушало "татарство" полка [9].

Накануне войны с Россией 1853 г., в различных частях Османской армии были произведены некоторые преобразования. В том числе был отдан приказ управляющему округа Тырнова об образовании татарского конного полка [10]. Из этого приказа видно, что бывший татарский конный полк уже некоторое время не существовал и должен был быть образован заново или реформирован. Таким образом, в результате преобразований из татарской кавалерии был создан особый корпус, отдельный от казачьих частей. Начальником татарского конного полка был один из потомков мурз Буджакских татар, носивший официальный титул "Хан-Мирза". И конный полк получал приказы султана не через османских командующих, а прямо от непосредственного начальника татар этой ветви-Хана-Мирзы [11].

С началом османско-русской войны татарский конный полк принял участие в сражениях на Дунайском фронте. На этом фронте, в Черноводне, полк сражался с первым полком донских казаков под командованием генерала Сазонова, но потерпел неудачу. В результате, половина полка попала в плен отряду Мариампольских гусар под командованием полковника князя Антона Любомирского.

В сентябре 1854 г., после высадки десанта союзных войск в Крыму, фронт переместился на этот полуостров. В военных действиях в Крыму, Османская армия принимала участие в основном в Евпатории (Кезлеве). Татарский полк также участвовал, полностью или частично, в операциях на его родной земле. Местом службы полка был город Евпатория и его окрестности.

Тем не менее, татарская военная сила в Крымской войне состояла не только из татарского конного полка. После высадки десанта союзников на побережье западного Крыма появились местные крымские татары, изъявившие желание присоединиться к союзным войскам. Впервые мысль об использовании крымских татар в военных действиях появилась неожиданно не у османцев, а у французов.

Во время пребывания главнокомандующих союзных войск в Варне, накануне десантирования в Крым, Месуд-Гирей-Султан, который жил в деревне Вырбице округа Шумена и был управляющим этого округа, связался с французской армией. Султан-Гирей изъявил желание принять участие в военной операции в составе французских войск. Мы не знаем, почему Месуд-Гирей обратился с такой просьбой к французам, а не к османцам. Однако точно известно, что османцы не предприняли ни одной попытки использовать Гиреев в последующих событиях, связанных с Крымом ни в это время ни на протяжении войны. Генерал Ванский, который был представителем французских войск в Варне, в своём ответном письме Месуд-Гирею принял его просьбу, обращаясь к нему "Его Высочество" (Son Altesse) и назначил его майором французских войск, находящихся в Крыму [12].

Значение такого наследника Крымского ханства как Месуд-Гирей для французов было видно в том, что с самого начала высадки в Крым, то есть с сентября 1854 года, он был в месте с маршалом французской армии Арман-Жаком Лерой де-Сен-Арно [13]. Ясно, что французы хотели воспользоваться историческим влиянием его династии среди крымских татар. Месуд-Гирей находился в Крыму, в г. Евпатория (Кезлеве). Мы не имеем достаточно подробных документов о сущности и масштабе его деятельности. Более того, существующие документы о деятельности Месуд-Гирея довольно противоречивы. Но все же видно, что он был управляющим округа Евпатории; находящегося в подчинении союзных войск или, точнее, он был связующим звеном между союзными войсками и местными жителями. Месуд-Гирей работал вместе с главнокомандующими 3-х союзных государств в принятии необходимых мер по обеспечению порядка в Евпатории в первые дни после захвата города и в образовании полицейской службы [14]. Но деятельность Месуд-Гирея в Крыму продолжалась недолго. По решению английских и французских командующих 8 октября 1854 г. его отправили на турецком корабле в Варну.

Согласно рапорту английского управляющего города Евпатории капитана Саумараза Брока, действия Месуд-Гирея в Крыму были коррумпированы и подрывали авторитет союзников среди местных жителей [15]. Однако действия Месуд-Гирея представлены в совсем другом свете в османских документах. В совместном обращении к Османскому государству 3-х управляющих союзных государств в Евпатории, в том числе и самого капитана Брока, помощь Месуд-Гирея союзным войскам в обеспечении порядка в Евпатории была оценена очень высоко [16]. Более того, в другом обращении духовных лиц крымских татар и многих жителей окрестностей Евпатории было выражено одобрение о присутствии союзных войск и о действиях Месуд-Гирея [17]. Если рапорт достоверен, есть вероятность того, что эти обращения были написаны для того, чтобы, не обидев Месуд-Гирея, отправить его из Евпатории во всем величии, подобающим его роду.

Какова бы ни была деятельность Месуд-Гирея в Крыму, Французская империя вручила ему знаки Почетного Легиона (Legion d'honneur) [18]. Османцы тоже пытались наградить его подобными знаками [19]. В любом случае очевидно, что Османское государство не было серьезно заинтересовано в Месуд-Гирее ни во время его отъезда в Крым ни после его возвращения. Даже когда Месуд-Гирей после возвращения из Крыма написал письмо, в котором он выражал верность османскому правителю, его намерения были поставлены под вопрос. И вместо ответа ему было решено, что "может быть появится случай, когда понадобятся его услуги" [20]. Такой случай так и не появился до конца войны.

История Месуд-Гирея рассказывает нам многое о взглядах и расчетах тогдашних османских правителей по поводу Крыма. Интересно, что даже во время пребывания одного из членов династии Гиреев в Крыму, османцы не пытались использовать его как предмет какого-то политического плана или в каких-нибудь других действиях. У османцев не было ни плана, ни даже мыслей, касающихся политического бу-

душего крымских татар в случае победы. К тому же, сама высадка в Крым не была начинанием османского главнокомандующего, а была идеей союзников¹. Тем более, что даже после высадки десанта в Крым у османских войск не было систематического плана о каких-либо движениях среди крымских татар, проживающих в оккупированных или других регионах Крыма. Конечно же, османские войска поддерживали отношения с крымскими татарами, которые были с ними одного корня, религии и языка. В свою очередь, было видно что крымские татары симпатизировали им. Более того, в обращении к Месуд-Гирею крымские татары округа Евпатории писали, что они готовы отдать жизнь за Османскую империю [21]. И при наличии таких петиций османские правители не уделили им должного внимания. Вместе с тем, и османцы, и другие союзники использовали местных крымских татар в повседневных делах, обеспечения лошаадьми, повозками, провиантом и т. д. Крымские татары, которые составляли большинство населения Евпатории, принимали участие в обеспечении порядка в городе [22]. Однако не было заранее подготовленного плана об образовании регулярных воинских частей в составе союзных войск из числа крымских татар. Тем не менее, крымские татары в отдельности воевали и даже погибали в рядах союзных войск. В основном такие добровольцы составляли нерегулярные части и были плохо вооружены. Несмотря на это, союзники очень высоко отзывались о мужестве и успехе этих войск на поле боя.

В октябре и ноябре 1854 г. эти нерегулярные крымскотатарские части участвовали в боях под Евпаторией. Например, в сражениях 19 октября погибли два татарина [23]. В то же время надо помнить, что тысячи крымскотатарских беженцев жили в городе в очень тяжелых условиях [24]. Основная часть Османской армии в Крым, то есть в Евпаторию, прибыла в декабре 1854. До конца декабря Османская армия, численностью примерно в 20 000 высадилась в Евпатории, и им была поручена оборона города [25]. 17 февраля 1855 г. русские войска под командованием генерала С. А. Хрулева начали крупное наступление на Евпаторию. Исходом этого сражения, известным как Евпаторийское, было поражение русских ценою в 800 человек. В этом сражении, сыгравшем важную роль в ходе войны, нерегулярные крымскотатарские части воевали в рядах Османской армии и потеряли 13 убитыми и 24 ранеными [26]. В османских документах есть запись о том, что двум крымским татарам, которые были ранены, когда они подносили боеприпасы Османской армии, была выделена пенсия, как и раненым солдатам регулярной Османской армии [27]. Наверно такое же происходило и с другими татарами в аналогичных ситуациях.

После Евпаторийского сражения османское командование предприняло попытку сформировать регулярные крымскотатарские части. В марте 1855 г. главнокомандующий османских войск Омер-Паша попросил разрешение Порты на образование добровольного татарского конного полка из числа крымских татар, находившихся в Евпатории. В своем письме, Омер-Паша указывал, что в Евпатории около 300 крымских татар изъявили желание служить кавалеристами в рядах Османской армии. По мнению Омер-Паши, Османской армии было неудобно отклонять просьбу крымских татар, так как Франция уже приняла кавалеристами в свою армию около 150 крымских татар. Омер-Паша еще писал, что часть оружия для нового полка доставлена из Варны и просил остальное оружие и обмундирование [28]. 30 марта 1855 г. султан Абдульмеджид положительно ответил на просьбу Омер-Паши об образовании татарского конного полка из числа добровольцев – крымских татар [29]. В течение дальнейшего годичного пребывания османских войск в Евпатории, в регионе не было значимых военных действий, из чего можно сделать вывод, что татарский конный полк не участвовал в серьезных военных действиях. Однако следует отметить, что некоторые солдаты из состава полка вели себя неподобающе. Некоторые из них были уволены из армии и вместе с семьями отправлены в Варну, для поселения в округе Бабадаг [30].

Точно не ясно, был ли татарский конный полк, образованный таким образом в Евпатории, и "старый" татарский конный полк, сформированный ранее в Румельде, одним и тем же полком и была ли связь между ними. По одним сведениям, "старый" татарский конный полк под командованием графа Ржевусского был отослан назад в Добруджу. в наказание за свою неудачу в боях с русской кавалерией [31]. Однако достоверность этой информации должна быть оспорена. В конце концов, известно, что командующий татарским конным полком Хан Мирза был награжден султаном, орденом Меджидие четвертой степени [32]. Еще один из командиров этого полка майор Мирза Ислам был награжден орденом Меджидие пятой степени за проявленное мужество в Евпаторийском сражении [33]. Также был награжден старший лейтенант Абдулькадир-Ага, который был ранен во время службы в полку [34].

Согласно Парижскому договору, который завершил Крымскую войну, Османская армия эвакуировалась из Евпатории 11 мая 1856 года. До апреля 1856 г. около 7000 крымских татар были вынуждены эмигрировать в Османскую империю, оставив свою родину [35]. Нет сомнений, что те, кто как-либо помогал Османской армии, были среди этих беженцев.

Вероятно, что после Крымской войны, специальные татарские части Османской империи просуществовали недолго. Возможно, что татарский конный полк существовал до 1860-х годов, а потом был распущен [36]. Так как в документе от июля 1861 г. упоминается, что в Османский казачий полк в Румелии вместе с казаками и поляками набирали и татар [37]. На основании этого можно предположить, что татарский полк уже не существовал.

Конечно же, во время Крымской войны в рядах русской армии были и крымские татары. Хотя до объявления всеобщей воинской повинности в Российской империи оставалось еще 20 лет, различные крым-

¹ На встрече с главнокомандующими союзных армии в Варне, османский главнокомандующий Омер-Паша был сторонником наступления на Бессарабию. Но под давлением французского и английского главнокомандующих было принято решение о наступлении на Крым. А. Tevfik Gürel, 1853–55 Turk-Rus ve Muttefiklerin Kirim Savap (Istanbul, 1935), s. 80.

скотатарские части служили в рядах русской армии еще со времен российского владычества над полуостровом. Даже в начале Крымской кампании существовал лейб-гвардии Крымскотатарский эскадрон, образованный в 1826 г. Когда началась война, этому эскадрону под командованием полковника Батыра Челеби Мюфтизаде было поручено наблюдать побережье в районе крепости Кронштадт. Льготная часть эскадрона под командованием ротмистра Омер Бея Балагукова 25 сентября 1854 г. принимала участие в обороне Севастополя. Эта часть была во фланге генерала Рыжова в сражении при реке Черной. В этом бою на Федюниных высотах лейб-гвардии Крымскотатарский эскадрон, напав на английский драгунский разъезд, полонил его. В награду за это Крымскотатарский эскадрон был лично награжден медалями главнокомандующим князем Меншиковым. Узнав об этом, царь Николай I в ответе князю Меншикову писал: "Рад, что Гвардейские татары имели случай показать себя, и ты хорошо сделал, что наградил их" [38].

Крымские татары не развязывали Крымскую войну. Война не велась ради них. Ни одна из воюющих сторон ничего им не обещала в случае победы. Как и в предыдущих войнах с Османской империей Россия видела в них потенциальных изменников и планировала их изгнание. Союзники же думали лишь об использовании крымских татар в повсеместных делах, пользуясь их трудным положением. В послевоенных планах союзников крымские татары не имели места – и их будущее не интересовало союзников. Даже османцы, одной веры и языка, не имели плана относительно будущего крымскотатарского народа. У крымских татар было только два выбора: или воевать с соплеменниками-османцами или быть наказанными Россией за предательство.

Конечно же, самым долговременным последствием войны была трагедия крымскотатарского народа. Больше половины народа была вынуждена покинуть родину в военное и послевоенное время. Эту массовую иммиграцию можно сравнить лишь с депортацией 1944 г. Многие из переселенцев погибли, оставшиеся же жили в очень трудных условиях. Кроме того, впервые в современной истории крымские татары перестали быть в большинстве на своей родной земле.

Источники и литература

1. Петр Миятев, "Потомки крымских Гиреев и их господство в некоторых частях Болгарии в XVII-XIX вв.", Ученые записки Института Славяноведения, том XVI. – Москва, 1958. – С. 291.
2. T.C. Bafbakanhk Osmanh Arşivi [Османский Архив Премьер-министерства Республики Турции, далее как BOA) (Стамбул), Cevdet-Hariciye, No.: 4066.
3. BOA, Cevdet-Hariciye, No.: 5342.
4. BOA, Cevdet-Eyamt-i Mumtaze, No.: 1032.
5. BOA, Cevdet-Hariciye, No.: 2406.
6. BOA, Cevdet-Eyiaiat-i Mumtaze, No.: 144 ve 979. >
7. BOA, Cevdet-Dahiliye, No.: 3380.
8. Татары и Черкесы в Турции (Два письма бывшего Турецкого паши)", Славянский сборник. –Т. 2.– Санкт-Петербург, 1877. – С. 47.
9. Там же.
10. BOA, A.MKT.NZD, Dosya: 87, Gomlek: 21.
11. Татары и Черкесы в Турции (Два письма бывшего Турецкого паши)". – С. 48.
12. Миятев. – С. 296.
13. BOA, A.MKT.MHM, Dosya: 64, Gomlek: 66.
14. Russian War, 1855. Black Sea. Official Correspondence (Londra, 1945), s. 427.
15. Ibid., s. 428.
16. BOA, Irade-Dahiliye, No.: 19757.
17. BOA, trade-Dahiliye, No.: 19757.
18. "Татары и Черкесы в Турции (Два письма бывшего Турецкого паши)", стр. 50.
19. BOA, A.MKT.MHM., Dosya: 64, G6mlek: 66.
20. BOA, HR.MKT., Dosya: 89, Gomlek: 12.
21. BOA, trade-Dahiliye, No.: 19757.
22. Дубинина Л. И. События в Евпатории и уезде в период Крымской войны // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 1995. №: 12. – С. 3.
23. Russian War, 1855. Black Sea. Official Correspondence, ss.429-432.
24. Adolphus Slade, Turkiye ve Kinm Harbi (Istanbul, 1943), s. 192; Дубинина, стр. 3.
25. Gttrel, s. 94.
26. Гуркович В.Н. «За веру, Царя и отечество...» // Евпаторийский здравница. – 1997. – 7 октября.
27. BOA, A.AMD., Dosya: 62, Gomlek: 62.
28. BOA, irade-Dahiliye, No.: 20488; A.MKT.MHM., Dosya: 68, Gomlek: 51; A.AMD, Dosya: 64, Gomlek: 13.
29. BOA, irade-Dahiliye, No.: 20488.
30. BOA, A.AMD., Dosya: 55, Gomlek: 88.
31. "Татары и Черкесы в Турции (Два письма бывшего Турецкого паши)". – С. 48.
32. BOA, A.DVN.MHM., Dosya: 19, Gomlek: 30.
33. SOA, A.DVN.MHM., Dosya: 15, Gomlek: 70.
34. BOA, A.MKT.NZD., Dosya: 270, Gomlek: 71.
35. Дубинина, стр. 4.

36. Татары и Черкесы в Турции (Два письма бывшего Турецкого паши)". – С. 48.
 37. ВOA, А.МКТ.NZD., Dosya: 357, Gomlek: 42.
 38. Крымский Конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Полк – Сан Франциско, 1978. – С. 23–24.

Туран Ахмет Незихи (Турция) ЧЕРТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА НАРОДА КРЫМА (XVII – XVIII вв.)

Английский историк Карр, предупреждая исследователя, погруженного в письменные источники, говорит: «Внимательно изучайте ваши источники, если вы ничего не можете понять, существуют две вероятности: либо изучаемые вами источники ни о чем не говорят, либо вы глухи. В этом случае проверьте ваш слух». Когда я работаю с источниками ханского периода, в особенности с *Кадыаскерскими дефтерами* или, по более точному определению, *Судебными реестрами Крымского ханства*², мне кажется, я что-то слышу. Сейчас я хочу поделиться с вами услышанным.

Они говорят: «Наша жизнь не так уж отличалась от вашей. Темп нашего повседневного быта не был так высок как у вас. Наше время определяла природа. Мы вставали с восходом солнца и приступали к делам: работе на винограднике, в саду, во дворе. Некоторые из нас занимались ремеслом, отправлялись на свои базары, крытые рынки-чаршы, открывали свои лавки-дукьяны и ждали клиентов. Мясники-касабы, хлебопеки-экмекчи и чёрекчи, горшечники-чёмлекчи, меховщики-кюркчи, изготовители национальных головных уборов – калпакчи, свечники-мумджи, чесальщики хлопка-халладжи, галантерейщики-аттары, шорники-сараджи, кузнецы-налбанды, портные-терзи, дубильщики-деббаги, башмачники-пабуджжи, изготовители топоров – балтаджи, ножей – бычакчи, оружейных прикладов – кундакчи, мануфактурщики-беззазы, лудильщики-калайджи, бакалейщики-баккалы, оружейники-тюфенкчи, люлечники-бешикчи... и многие другие красовались разнородным мастерством и продукцией всевозможных цветов и расцветок.

Мы любили поесть и попить. Поэтому наши продукты питания были очень разнообразны. К примеру, когда мы спускались к базару, наши глаза искали не только крымские сорта винограда, но и привезенные из Анатолии, которую мы называли «каршы» – «противоположная сторона». Поэтому наряду с виноградом сортов «кара», «резаки», «сиях», «сарыджа», «калем», «кырмазы», «чувал резакчи», «чеплюдже резакчи», «каба резакчи» мы ели виноград из Измира, Беглердже, Эдремита, сравнивали их вкусовые достоинства и, в зависимости от нашего вкуса, выносили решение. Хотя часть из них носила названия анатолийских сортов, они выращивались и собирались здесь. Но названия упоминались соответственно тем местам, откуда они происходили. То же самое было и с инжиром: прекрасные фрукты, которые мы определяли названиями «Лоб», «калем», «сарыджа», «табан», «Девлет Гази». Тот сорт, который мы называли «Девлет Гази», обладал сладостью и тонким вкусом, достойным славы этого нашего хана.

Крымский мед был очень популярен. В администрации ханского дворца был специальный пост Балдыбашы Ага – глава пасечников и торговцев медом. Исходя из этого, можете судить о том, как мы его потребляли – от мала до велика, от хана до подданного. Мы ели также мед, привезенный с «противоположной стороны», который был записан судьями – господами кадиями, регистрировавшими каждое наше дело, всякий конфликт между нами, любой вид товара, продававшегося в нашей стране и многое другое – как «Асели Руми» или «Анатолийский мед», но говорили: «Куда ему до нашего». Собственно говоря, привезенный оттуда мед стоил на базаре на 5–10 акче дешевле.

Само собой разумеется, мы до самозабвения любили мясо. Естественно, прежде всего, это была баранина, затем шло мясо крупного рогатого скота, говядина. Не следует забывать также их части, именуемые «сакатат» – сбой. Такие как нутряной жир, потроха, сердце, печень, голова. Продавалась и рыба, но она не очень то и пользовалась нашей благосклонностью. Хоть кадии и не записали, но у нас были и лошади, выращенные на убой. Угощение ими было признаком богатства. В наших историях повествуется о том, что наши ханы угощали своих уважаемых гостей мясом жеребенка. Хлеб, вес и цена которого были под строгим контролем, всегда был для нас основным продуктом питания. То, что вы сегодня называете «булка» или еще чаще «булочка», мы называли «чёрек». Имелось две его разновидности: «грубый» («каба чёрек») и «масляный» («яглы чёрек»). Вываривая до густоты сок винограда, груш, яблок, мы готовили бекмес и с удовольствием ели его и пили. Мы были в восторге и от бузы, о которой господин наш Гази Гирай Хан написал стих и которую в красках расписал Эвлия Челеби. Бузу «резаки», приготовленную из продукта, который вы сегодня по-русски называете «пшено», мог бы с удовольствием пить каждый. Кроме этого у нас была «максыма». Мы готовили ее из ячменя, пшеничной крупы, пшена: отварив, процеживали, добавляли в нее сахар или сахаросодержащие продукты и пили, охладив. О том, что приготовленную по нашему бузу называли «татарской», также сообщают истории. Одно время ее даже запретили, поскольку янычары, то ли для облегчения тягот походов, то ли по какой-то другой, пустяковой причине взяли себе в привычку добавлять в татарскую бузу опиум.

Еще одним нашим питьем был компот-хошаф. Мы сушили такие фрукты как груша, слива, рябина, кизил, затем варили и пили летом и зимой не пиво, а компот. Что сказать о наших заготовках на зиму?

² Материалы для этой статьи извлечены мною из микрофильмов 61-го тома ханских реестров, хранящихся в библиотеке им. И. Гаспринского в Симферополе. Поскольку общие сведения разбросаны в разных томах, я не снабжал их отдельными ссылками. Ссылки даются только по частным моментам. Я благодарен персоналу библиотеки, обеспечившему мне возможность спокойной работы. Для сведений об этом источнике можно обратиться к моей статье: Судебные реестры Крымского ханства (после их обнаружения) // Культура народов Причерноморья. – 2000. – №30. – С.90–93.